

вот насколько полезными окажутся они на своем месте с профессиональной точки зрения — вопрос зачастую открытый.

ТИП МАКСИМ

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) (1868–1936)

Соционический тип **Максим** (*логико-сенсорный рациональный интроверт*) назван в честь писателя Максима Горького, который на самом деле относился к этому типу.

Во внешности Горького мы видим характерные черты типа **Максим**: низкий лоб с прямой линией роста волос, выступающие скулы, толстый, короткий, слегка курносый нос. Глаза узкие, утопленные. Надбровные дуги нависают. Взгляд твердый, с оттенком высокомерной жесткости, даже с некоторой долей пренебрежения. В возрасте у Горького впалые щеки — **Максимы**, пожалуй, самые худые из сенсорных типов. Во всем облике ощущается напряженность сжатой пружины.

Вот как описывает А. Серафимович свои первые впечатления от знакомства с Горьким:

*«В отдаленном конце стола поднялся широкоплечий, высокий, с длинными, откинутыми назад волосами, с открытым, смело глядящим лицом. Раздвигая стулья и людей, он подошел ко мне, взял за руку, сжал так, что у меня пальцы склеились, с славной улыбкой потрянул и коротко:
– Горький...».*

В приведенном описании можно узнать сенсорика. На это указывают атлетическое телосложение Горького и его крепкое, запоминающееся рукопожатие. Кроме того, Горький не лавировал между препятствиями, как это обычно делают интуиты, а, наоборот, раздвигал их. Славная улыбка объясняется ролевой **этикой отношений**. При знакомстве с новыми людьми **Максимы** обычно производят впечатление открытых и дружелюбных.

Базовая функция **Максима** — **структурная логика**. По воспоминаниям современников, Горький обладал цепкой памятью, хорошо запоминал имена и даты,

статистические данные. Он занимался самообразованием, находился в постоянном процессе обучения, собирания знаний, много читал и всем интересовался.

Прежде, чем начать писать, Горький много странствовал, сменив при этом большое количество работ, накапливал впечатления и информацию, что очень важно для сенсорного логика, не обладающего, в отличие от интуитов, способностью к достраиванию и угадыванию неизвестного.

Горький считал, что писать надо просто. «Правда проста, все великое просто», — утверждал он. В этом тяготении структурного логика к познанию, пониманию и объяснению окружающей действительности присутствует желание видеть четкую, ясную картину мира. Большое значение имеет и стремление без потерь передать информацию адресату. **Структурная логика** нацелена на как можно более полное понимание.

Структурная логика у Максима — базовая функция, поэтому он относится к рациональным типам. Рациональность можно увидеть в описании Горьким своего режима дня, в котором дела строго привязаны ко времени: «Я работаю. Встаю в восемь, от 9 до 12 — пишу, от 12 до 2 — гуляю, в два обед, после обеда до шести — гуляю, читаю, разговариваю, в шесть — пью чай и снова работаю».

В. Ходасевич в своих воспоминаниях о Горьком пишет:

«Часы от прогулки до ужина уходили по большей части на корреспонденцию и на чтение рукописей, которые присылались ему в несметном количестве. На все письма, кроме самых нелепых, он отвечал немедленно. Все присылаемые рукописи и книги, порой многотомные, он прочитывал с поразительным вниманием и свои мнения излагал в подробнейших письмах к авторам. На рукописях он не только делал пометки, но и тщательно исправлял красным карандашом описки и исправлял пропущенные знаки препинания. Так же поступал он и с книгами: с напорным упорством усерднейшего корректора исправлял он в них все опечатки. Случалось — он то же самое делал с газетами, после чего их тотчас выбрасывал».

В данном отрывке видим высокую степень ответственности в работе (**волевая сенсорика**), привычку делать все от начала до конца (**структурная логика** и рациональность) и отсутствие гибкости (болевая **интуиция возможностей**). Большое значение Горький придавал грамотности. Даже газеты он правил! Казалось бы, бессмысленная работа, а **Максиму** важно, чтобы все было сделано как надо, выполнено по правилам. Постоянно ворчал Горький по поводу низ-

кого уровня грамотности современных писателей. Сама по себе кропотливая корректорская работа — это сочетание **структурной логики** и **волевой сенсорики**.

К себе Горький был не менее строг, чем к другим. Критику в свой адрес слушал внимательно и с благодарностью. Выслушав, часто садился за исправления.

Еще одна деталь, иллюстрирующая **структурную логику**, — любовь Горького к коллекционированию. Горький собирал японские фигурки из кости — нэцке. Коллекционированием чаще всего занимаются люди со **структурной логикой** в ценностях. Кроме того, **Максимов** и **Гамлетов** очень привлекает восточная культура, и это не случайно, ведь **Максим** — интегральный тип Японии.

Максиму свойственны рациональная склонность выбрать одно направление на всю жизнь и идти прямой дорогой, никуда не сворачивая. Отсутствие гибкости и неспособность видеть другие пути связаны с болевой **интуицией возможностей**. При этом по **волевой сенсорике** есть желание занимать не последнее место в обществе, иметь вес, отсюда — любовь к силе и заигрывание с властью. По **этике эмоций** из детского блока хочется воодушевлять, побуждать людей к действию во имя великой цели, а также самому воодушевляться и обманываться. Сочетание этих качеств приводит к тому, что правда в жизни Горького тесно переплетается с ложью, некоторым замалчиванием и двуличием, что в целом образует причудливый рисунок судьбы.

Понятия «правда» и «ложь» занимают большое место в творчестве Горького. Правда и истина — категории, относящиеся к **структурной логике**. При этом в первой квадре чаще используется слово истина. Истина — это нечто абстрактное и неуловимое, ее можно искать бесконечно. У логиков первой квадры **структурная логика** в верхнем блоке соединяется с **интуицией возможностей**, они готовы искать. Правда — понятие более конкретное, у нее есть противоположность — ложь. Это предполагает выбор всего лишь из двух вариантов, что более приемлемо для **Максима** с его болевой **интуицией возможностей**. Достоверное изображение событий реальной жизни уже является правдой — правдой жизни.

Из письма Горького А. А. Демидову:

«Это изумительное время возлагает на вас, молодых писателей, обязанность мужественно, правдиво и независимо делать ваше большое, важное дело — дело правды, дело правдивого освещения всего, что творится на земле. Для того чтоб внести свою лепту в общую массу духовной работы, творимой на Руси, вам всем надобно учиться, не щадя себя. Учитесь вы, на мой взгляд, маловато».

В знаменитом монологе Сатина из пьесы «На дне» звучит весь верхний блок **Максима**:

«Кто слаб душой... и кто живет чужими соками, — тем ложь нужна... одних она поддерживают, другие — прикрываются ею... А кто — сам себе хозяин... кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!»

Свобода в данном случае — **волевая сенсорика**. Это не свобода ото всего, а, скорее, сила, ответственность. Тут мы переходим к творческой функции **Максима — волевой сенсорике**.

Сенсорика хорошо видна в произведениях Горького. В качестве примера приведем отрывок из книги «Детство»:

«В полутемной тесной комнате, на полу, под окном, лежит мой отец, одетый в белое и необыкновенно длинный; пальцы его босых ног странно растопырены, пальцы ласковых рук, смиренно положенных на грудь, тоже кривые; его веселые глаза плотно прикрыты черными кружками медных монет, доброе лицо темно и пугает меня нехорошо оскаленными зубами. Мать, полуголая, в красной юбке, стоит на коленях, зачесывая длинные мягкие волосы отца со лба на затылок черной гребенкой, которой я любил перепиливать корки арбузов; мать непрерывно говорит что-то густым, хрипящим голосом, ее серые глаза опухли и словно тают, стекая крупными каплями слез».

Описание очень детализированное. Сообщается множество фактов о физическом, предметном мире, в котором каждый предмет обладает своим объемом, цветом, формой, весом. Указаны размеры комнаты, освещение, цвет одежды отца, его длинное тело, растопыренные пальцы и их расположение. Монеты на глазах, их форма, материал, цвет. Красная юбка матери, ее густой, хрипящий голос, опухшие, тающие, стекающие глаза. Длинные, мягкие волосы отца, черная гребенка.

Волевая сенсорика у Горького находится в верхнем блоке, а **сенсорика ощущений** — в нижнем. Описание окружающего мира происходит посредством этих двух сенсорик. При этом те герои, которым Горький симпатизирует, часто

описываются через **волевою сенсорику**, а нелюбимым героям соответствует отрицательная характеристика со стороны **сенсорики ощущений**.

Вот как Горький описывает свою бабушку, к которой был очень привязан:

«Сидя на краю постели в одной рубаше, вся осыпанная черными волосами, огромная и лохматая, она была похожа на медведицу, которую недавно приводил на двор бородастый, лесной мужик из Сергача». Крестилась бабушка «медленными движениями тяжелой руки».

А это описание Челкаша («Челкаш»), к которому Горький тоже расположен:

«Он сразу обращал на себя внимание своим сходством с степным ястребом, своей хищной худобой и этой прицеливающейся походкой, плавной и покойной с виду, но внутренне возбужденной и зоркой, как лет той хищной птицы, которую он напоминал».

Зато при описании неприятного человека Горький не скупится на отгаликивающие подробности по **сенсорике ощущений**:

«Мой хозяин — маленький круглый человечек; у него бурое, стертное лицо, зеленые зубы, водянисто-грязные глаза. Он кажется мне слепым, и, желая убедиться в этом, я делаю гримасы. <...> Неприятно, что эти мутные глаза видят меня, и не верится, что они видят, — может быть, хозяин только догадывается, что я гримасничаю?»

К **волевой сенсорике** относится восприятие силы и величия природы. Подобные описания тоже часто встречаются у Горького:

«Бывало — зайдет солнце, прольются в небесах огненные реки и — сгорят, ниспадет на бархатную зелень сада золотисто-красный пепел, потом все вокруг ощутимо темнеет, ширится, пухнет, облитое теплым сумраком, опускаются сытые солнцем листья, гнутся травы к земле, все становится мягче, пышнее, тихонько дышит разными запахами, ласковыми, как музыка, — и музыка плывет издали, с поля: играют зорю в лагерях. Ночь идет, и с нею льется в грудь нечто сильное, освежающее, как добрая ласка матери, тишина мягко гладит сердце

теплой мохнатой рукою, и стирается в памяти все, что нужно забыть, — вся едкая, мелкая пыль дня. Обаятельно лежать вверх лицом, следя, как разгораются звезды, бесконечно углубляя небо; эта глубина, уходя все выше, открывая новые звезды, легко поднимает тебя с земли, и — так странно — не то вся земля умалилась до тебя, не то сам ты чудесно разросся, развернулся и плависься, сливаясь со всем, что вокруг».

Писатель раскрывает перед нами впечатляющую картину заката с огненными реками в небе. Зелень видится ему бархатной, а бархат — дорогая, роскошная ткань. Все вокруг ширится, пухнет, то есть увеличивается в размерах, становится более значительным. В грудь льется нечто сильное. Человек размерами становится сопоставим с землей, как мифический великан. Звезды углубляют небо, будто оно осязаемо и представляет собой свод какой-нибудь большой пещеры. Здесь надо заметить, что сенсорики испытывают некоторые сложности в описании того, что нельзя потрогать руками, поэтому могут иметь склонность к более вещественному изображению таких объектов, чем это есть на самом деле.

Вот, например, отрывок из «Челкаша»: «По небу двигались толстые пласты лохматых туч, море было спокойно, черно и густо, как масло». Тучи и море наделяются большей плотностью, чем та, которую они имеют в реальности.

Волевой сенсорик воспринимает мир через борьбу и противостояние. Ярким примером данного подхода служит описание порта в начале рассказа «Челкаш»:

«Закованные в гранит волны моря подавлены громадными тяжестями, скользкими по их хребтам, бьются о борта судов, о берега, бьются и ропщут, вспененные, загрязненные разным хламом.

Звон якорных цепей, грохот сцеплений вагонов, подвозящих груз, металлический вопль железных листов, откуда-то падающих на камень мостовой, глухой стук дерева, дребезжание извозчичьих телег, свистки пароходов, то пронзительно резкие, то глухо ревущие, крики грузчиков, матросов и таможенных солдат — все эти звуки сливаются в оглушительную музыку трудового дня и, мятежно колыхаясь, стоят низко в небе над гаванью, — к ним вздымаются с земли все новые и новые волны звуков — то глухие, рокошующие, они сурово сотрясают все кругом, то резкие, гремящие, — рвут пыльный, знойный воздух.»

Одним из проявлений **волевой сенсорики** является выносливость Горького. Он стойко переносил тяжелую болезнь, был терпим в отношении боли. По словам Ходасевича, Горькому рвали зубы без наркоза, и он даже не жаловался. И еще была история, когда солдат каблуком раздробил Горькому мизинец на ноге, но тот не обратился к врачу, а просто время от времени вытаскивал из пальца осколки костей.

Из сенсорных логиков получаются превосходные писатели-реалисты. Ведь они умеют предельно правдиво и точно изображать окружающее. Горький большое внимание уделял достоверности в своих произведениях. И его очень раздражало, если в произведениях других писателей он находил детали, не соответствующие действительности. Из воспоминаний Ходасевича:

«Смотря на литературу отчасти как на нечто вроде справочника по бытовым вопросам, приходил в настоящую ярость, когда усматривал погрешность против бытовых фактов. Получив трехтомный роман Наживина о Распутине, вооружился карандашом и засел за чтение. Я над ним подтрунивал, но он честно трудился дня три. Наконец, объявил, что книга мерзкая. В чем дело? Оказывается, у Наживина герои романа, живя в Нижнем Новгороде, отправляются обедать на пароход, пришедший из Астрахани. Я сначала не понял, что его возмутило, и сказал, что мне самому случалось обедать на волжских пароходах, стоящих у пристани.

– Да ведь это же перед рейсом, а не после рейса! – закричал он. – После рейса буфет не работает! Такие вещи знать надо!»

Горький сравнивал работу писателя-художника с работой ученого-естественника, который занимается тем, что подробно исследует условия существования и питания животных. Но Горький не был противником романтизма в литературе, наоборот, ранние произведения Горького пронизаны романтическими настроениями. Романтизм он разделял на пассивный и активный. Пассивный уводит человека от действительности, заставляет погружаться во внутренний мир переживаний. Активный дает людям надежду, бодрость, энергию, волю к жизни. Разумеется, Горький отдавал предпочтение активному романтизму. Если Горький-реалист работает по верхнему блоку, то Горький-романтик удовлетворяет свои потребности по детскому блоку, в котором у **Максима** находятся **этика эмоций** и **интуиция времени**.

Поэмы Горького «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике» близки к героическому эпосу, и очень хорошо отражают дух второй квадры.

Блестело море, всё в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! Осмелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пуškai ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

(«Песня о Соколе»)

Безумство храбрых — это про них. У представителей второй квадры помимо **волевой сенсорики** в ценностях находится еще и **этика эмоций**. Поэтому в ярких красках описывается то, что имеет отношение к борьбе. Сокол мечтает прижать врага к ранам на своей груди, чтобы тот захлебнулся кровью. К слабым сочувствия нет. Насмешливо и презрительно пишет Горький о пугливых чайках и гагарах, о глупом пингвине, прячущем свое жирное тело в утесах. Другое известное произведение Горького — «Песня о Буревестнике» — завершается завершается революционным призывом: пусть сильнее грянет буря! Во второй квадре готовы жертвовать собой, да и другими, ради высокой идеи. Революция — резкая смена старого на новое. Желание перемен порождается **интуицией времени** в ценностях.

Горький любил молодых начинающих писателей, он подбадривал их, старался, чтобы они не теряли надежду, уважал их мечты и творческие порывы. По словам Ходасевича, Горький «любил всех людей творческого склада, всех, кто вносит или только мечтает внести в мир нечто новое. Содержание и качество этой новизны имели в его глазах значение второстепенное». **Интуиция времени у Максима** — функция любимая, но достаточно слабая, поэтому Горький хоть и любит все новое, назревающее, молодое и мечтающее, но прогностическими способностями при этом не обладает. Ему сложно понять, что из этого нового будет играть заметную роль в будущем, а что будет предано забвению.

По **этике эмоций** из детского блока Горький был очень сентиментален и нередко плакал, читая свои произведения или произведения других писателей.

Герои, которым Горький симпатизирует, тоже часто транслируют **этику эмоций**: они плачут либо много смеются, хохочут. Они могут обладать и актерскими талантами, как Сатин из пьесы «На дне», который рассказывает, что в прежние времена плясал, играл на сцене, смешил людей.

Горький сам любил развлекать и смешить людей. Вот как пишет об этом Ю. Анненков:

«Любимый детьми и подростками, он затевал для них всевозможные игры, и его веселая изобретательность была неисчерпаема. Мы играли в казаков и разбойников, носились в заброшенном огромном еловом парке, резались в лапту у сарайной стены. Но этим играм Горький предпочитал костюмированные развлечения. Он рядился в краснокожего, в пирата, в колдуна, в лешего, переодевался в женское платье, выворачивал пиджак наизнанку, прицеплял к костюму пестрые деревянные ложки, вилки, еловые ветки, рисовал жженой пробкой эспаньолку на подбородке или покрывал лицо ацтекской татуировкой, втыкал в свою трубку брусничный пучок или букетик земляники и, прекрасный комедиант, изобретал забавнейшие гримасы».

Так у Горького проявлялся детский блок: он имитировал поведение своего дуала **Гамлета** с его врожденным артистизмом (аутентичной **этикой эмоций**).

Марк Алданов вспоминает, что Горький обладал детской и привлекательной улыбкой, он был прекрасным рассказчиком, хоть и повторялся.

Пьесе Горького «На дне» можно использовать как соционический словарь по нижнему блоку **Максима и Жукова**, в котором у этих типов находятся **сенсорика ощущений** и **деловая логика**. Герои пьесы — люди опустившиеся, отчаявшиеся, недовольные своей жизнью, подавленные. А нижний блок как раз наиболее ярко проявляется, когда человек оказывается в некомфортной, опасной, или стрессовой ситуации. Сюжеты, связанные с этими двумя функциями звучат у Горького в негативе.

В начале пьесы обитатели ночлежки спорят, кому убирать. Клещ говорит Актеру: «А ты слезай с печи-то да убирай квартиру. . . чего нежишься?» Актер отвечает: «Это дело не твое». И дальше, на протяжении всей пьесы, идут разговоры в этом духе (далее подчеркнуты слова и фразы, относящиеся к **деловой**

логике и сенсорике ощущений). Барон убираться не будет, он идет на базар. Актер Барону: «Иди хоть на каторгу... а пол мести твоя очередь... я за других не стану работать...». И он постоянно повторяет, что его организм отравлен алкоголем. Ему вредно дышать пылью. Сатин просит пятак сначала у Актера, потом у Клеща, Клещ посылает его к черту, Сатин отвечает, что знает — нет у Клеща ни гроша. Василиса ругается, что пол не подмели. Бубнов говорит, что очередь Актера мести. Василиса: «Мне дела нет — кому! А вот если санитары придут да штраф наложат, я тогда... всех вас — вон!» и сокрушается: «Грязь везде... грязища! Эх вы... свиньи!» Бубнов просит Настю подмести. Настя: «Ну да, как же! Горничная я вам тут...». Из монолога Сатина: «Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!...»

Отрицательные герои у Горького жадны до денег, скупы. Положительные — щедрые, даже расточительные. Бережливость, экономность, умение грамотно распоряжаться деньгами Горьким не воспеваются, так как во второй квадрате деньги ценным ресурсом не являются. Сам Горький отличался щедростью, денежно помогал всевозможным просителям, выделял деньги на различные политические дела. Часто он раздавал деньги неразумно.

В качестве еще одной иллюстрации нижнего блока **Максима** приведем отрывки из письма Горького к Л. Средину, где он описывает состояние своего организма и другие негативные подробности по **сенсорике ощущений**: «Хотя в башке у меня черти в чушки играют, хотя у меня ревматизм отвинчивает ноги, а селезенка поет Лазаря, хотя я сегодня приехал из Смоленска, не спал три ночи кряду, — но — жив Бог и жива душа моя!» И еще: «О, никогда не смотрите, как литераторы едят суп! Ибо сие столь же противно, как противно было бы смотреть на старую раскрашенную бабу, коя стала б раздеваться пред Вами догола.<...> Очень я отравился впечатлениями. И нездоров. В горло мне черт перцу насыпал, вследствие чего я скриплю и кашляю, как старые дрожки». А в завершение всплывает ограничительная **деловая логика**: «Недавно, глубоко подумав над деяниями моими, пришел я ко крепкому убеждению, что я — не литератор, а просто — неоплатный должник. Я занял у жизни огромную сумму впечатлений, а у людей кучу денег. Излагая впечатления на бумаге, я продаю оные и плачу людям деньги, оставляя жизнь моим кредитором навсегда! Навсегда! Проценты — растут...». Функции в горизонтальных блоках часто работают вместе.